

Сергей Патрушев

**Покоритель
женских
сердец**

Сергей Патрушев

Покоритель женских сердец

<https://litres.ru/73461319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он родился под тихий перестук дождевых капель и, кажется, уже тогда был отмечен особой печатью – печатью мужчины, которому суждено покорять женские сердца.

Демид с юности обладал удивительным даром: он умел слушать так, будто каждое слово женщины – единственное в мире сокровище, умел смотреть так, будто она – центр вселенной. Но за этой способностью скрывалась пустота – он коллекционировал победы, но сам оставался холоден, пока однажды судьба не привела его в маленький приморский городок, где на деревенском крыльце он встретил Леру – девушку, которую невозможно было покорить, которую можно было только полюбить.

Это роман о мужчине, прошедшем путь от циничного сердееда до любящего мужа и отца. О цене, которую платит человек, привыкший брать, но не умеющий отдавать. О том, что настоящая любовь приходит не как победа, а как поражение – поражение собственного эго, собственных страхов, собственной пустоты. И только пройдя через это поражение, можно обрести подлинное счастье.

Сергей Патрушев

Покоритель

женских сердец

Первая глава

Он родился под тихий перестук дождевых капель по карнизу старого роддома на окраине провинциального городка. Мальчик появился на свет в тот самый момент, когда молния расколола небо надвое, и медсестры, принимавшие роды, переглянулись, решив, что это добрый знак. Его назвали Демидом, что с греческого означало «совет богов», хотя в их семье никто не знал греческого, просто имя показалось деду достаточно звучным и редким.

Детство его прошло среди бесконечных дворов, пропахших бензином и цветущей сиренью. Он рос обычным сорванцом, разбивающим коленки и приносящим в дом дворовых котят, но даже тогда в его взгляде сквозило что-то неуловимое, что заставляло соседских девчонок тянуть его за косички не со зла, а в надежде, что он просто посмотрит на них чуть дольше, чем на других. В школе он учился ровно, не блистая, но и не отставая, словно приберегая силы для чего-то иного, более важного, чем школьная программа.

Первую осознанную влюбленность он испытал в пятнадцать лет, когда в их класс пришла новенькая – высокая, с глазами цвета лесного ореха и смехом, напоминающим перезвон колокольчиков. Ее звали Вероника. Демид смотрел на нее с задней парты и чувствовал, как внутри разрастается горячий ком, мешающий дышать. Он провожал ее до дома, носил портфель, давал списывать контрольные, но стоило ему открыть рот, чтобы сказать о своих чувствах, как слова застревали в горле, превращаясь в неловкое мычание. А она смотрела сквозь него, на высокомерного отличника из параллельного класса, который умел красиво врать и носил модные джинсы.

Это было первое поражение, которое он переживал долго и мучительно, лежа ночами в своей комнате и глядя в потрескавшийся потолок. Именно тогда, в тишине и горечи, в нем зародилась мысль, которая позже станет стержнем его жизни: он должен понять, что движет женским сердцем. Не просто научиться нравиться, а именно понимать, чувствовать, предугадывать. Он стал читать всё, что попадалось под руку – от любовных романов, тайком взятых у матери, до учебников по психологии, которые с трудом доставал в библиотеке. Он наблюдал за одноклассниками, за учительницами, за женщинами в автобусе, пытаясь уловить закономерности их улыбок, жестов и взглядов.

В институт он поступил в другой город, огромный и шумный, полный возможностей и красивых, разных, непохожих друг на друга девушек. Здесь он перестал быть просто наблюдателем. Здесь начались его эксперименты, его практика, его университеты жизни. Он ошибался, падал лицом в грязь, бывал осмеян и бит, но с каждым разом его чувствительность к женской душе обострялась, как зрение у слепого, который учится видеть сердцем.

К двадцати трем годам он уже точно знал, что самое сильное оружие мужчины – это не деньги, не внешность и даже не чувство юмора. Самое сильное оружие – это искренний интерес. Умение слушать так, будто каждое ее слово – это откровение. Умение смотреть так, будто она – единственная женщина во Вселенной. И это не была игра, не была маска. Это было состояние, которое он в себе вырастил и воспитал.

Так начинался путь человека, которого одни будут называть покорителем, другие – циником, а третьи так и не поймут, что за сила скрывалась в его спокойных глазах и легкой, чуть загадочной улыбке. Это история о нем. О том, что скрывается за славой сердцеда, и о цене, которую платит мужчина, способный покорить любое женское сердце, кроме одного – своего собственного.

Впрочем, до понимания собственного сердца ему тогда было еще далеко. В те годы Демид жадно впитывал жизнь, словно губка, брошенная в океан. Он учился не только на своих ошибках, но и на историях других, а их вокруг было предостаточно. Студенческое общежитие стало его личной лабораторией, где каждый день ставился новый эксперимент над человеческими чувствами.

Соседом по комнате оказался парень по имени Лёха, толстовечный философ и вечно влюбленный романтик, который страдал по каждой юбке с такой самоотдачей, будто это была последняя женщина на земле. Лёха мог неделю не есть, сохнуть по очередной музе, писать ей стихи, которые сам же потом сжигал над раковиной, и впадать в депрессию от одного лишь невзначай брошенного взгляда в сторону другого. Демид смотрел на это с недоумением, смешанным с профессиональным интересом.

– Ты почему не подойдешь и не скажешь ей всё прямо? – как-то спросил он, наблюдая, как Лёха в десятый раз пересматривает фотографию девушки в телефоне, вздыхая так, что стекла в окнах дребезжали.

– Не могу, Дём, – Лёха закатывал глаза к потолку, где облупившаяся краска складывалась в причудливые узоры, напоминающие ему то ли профиль возлюбленной, то ли очер-

тания их будущей совместной жизни. – Она же божественна. А я кто? Я никто. Я просто студент филфака с вечно пустым кошельком и прыщами на спине.

– А ты не думал, что ей, возможно, плевать на твой кошелек? – Демид задумчиво крутил в руках авторучку. – Ты сам придумал себе стену, а теперь в нее лбом упираешься.

Лёха лишь махал рукой и утыкался в подушку. А Демид шел в коридор общего блока, где вечно курили, пили дешевый портвейн и обсуждали девчонок. Там он слушал других. Слушал хвастливые рассказы бывалых ловеласов, у которых все сводилось к примитивной схеме: подкатил, напоил, затащил в постель, бросил. Их цинизм коробил его, хотя в те годы он и сам не смог бы сформулировать, почему именно коробит. Ведь они получали то, к чему он только стремился – легкие, ни к чему не обязывающие победы. Но что-то внутри подсказывало, что они проигрывают главное сражение, сами того не ведая.

Первой его настоящей победой, осознанной и выверенной, стала девушка по имени Алиса. Она училась на художника, носила длинные юбки в пол и крашенные волосы, собранные в небрежный пучок на затылке. Алиса была из тех, кто смотрит сквозь людей, будто видит их ауру или карму, и разговаривает преимущественно цитатами из Цветаевой.

За ней бегала добрая половина курса, включая того самого Лёху, который однажды даже подарил ей засушенный цветок папоротника, завернутый в тетрадный листок со стихами. Алиса цветок приняла, стихи прочитала и, кажется, тут же забыла.

Демид подошел к ней не в курилке и не в столовой, где все толпились и создавали видимость бурной деятельности. Он подкараулил ее в пустом коридоре художественного отделения, где пахло масляной краской и скипидаром, а из приоткрытых дверей мастерских доносился негромкий гул. Алиса стояла у окна и смотрела на серое октябрьское небо, и в этом созерцании было столько отстраненной печали, что любой другой на месте Демида струсил бы и прошел мимо.

– Смотрите, – тихо сказал он, останавливаясь рядом, но не слишком близко, чтобы не нарушить ее личное пространство. – Облака похожи на скомканную бумагу. Как будто кто-то наверху писал письмо, разозлился и выбросил черновики.

Алиса медленно повернула голову и посмотрела на него с искренним удивлением. Никто из ее поклонников никогда не говорил с ней о небе или о том, на что оно похоже. Они говорили о ней. О том, какая она красивая, необычная, талантливая. А этот парень смотрел на ту же серость, что и она, и видел в ней скомканные письма.

– А ты, я смотрю, поэт? – спросила она с легкой усмешкой, но глаза ее уже не были пустыми, они изучали его, сканировали, примеряли на себя.

– Нет, я просто смотрю по сторонам, – пожал плечами Демид. – Слишком много интересного пропускаешь, если смотреть только в себя.

Это была его первая сознательная фраза, первая приманка, брошенная в воду. И Алиса клюнула. Они проговорили тогда до самого вечера, сидя на холодном подоконнике, и говорили о чем угодно, только не о чувствах. О живописи, о музыке, о том, как пахнет дождь в разных городах, о том, почему кошки всегда приземляются на четыре лапы. Демид не делал ни единого движения, ни единого намека на близость. Он просто был рядом, внимательный, заинтересованный, открытый.

Через неделю Алиса сама позвала его в гости, в свою маленькую комнату в коммуналке, где стены были увешаны ее этюдами, а на подоконнике сохли кисти в банке из-под варенья. Там, под аккомпанемент старенького проигрывателя, крутившего винил Паулса, случилось то, чего Лёха добивался бы месяцами, а другие не добились бы никогда.

Но Демид не чувствовал триумфа. Лежа рядом с ней на узкой кровати и слушая, как за стеной ворчит соседка, он вдруг поймал себя на мысли, что главное удовольствие было не в этом. Главное случилось там, на подоконнике, когда он впервые увидел, как загораются ее глаза от простого разговора о скомканных облаках. Он понял тогда одну важную вещь: женщину покоряешь не телом и даже не словами. Женщину покоряешь миром, который ты способен ей показать. Миром, в котором она становится не объектом охоты, а полноправным соавтором, единственной зрительницей в зале, ради которой стоит играть.

С Алисой они встречались еще несколько месяцев, пока она не уехала на стажировку в Питер, а он не переключился на новую цель, даже не заметив, как это произошло. Она писала ему длинные письма, полные нежности и стихов, а он отвечал коротко и тепло, но без той искры, что зажигала их разговоры на подоконнике. Он уже искал новые глаза, в которых хотел зажечь свой свет.

Лёха, узнав о романе соседа с неприступной Алисой, смотрел на Демиду с благоговейным ужасом, как на инопланетянина.

– Как ты это делаешь? – допытывался он поздно ночью, когда в комнате пахло сыростью и дешевым чаем. – Ты ей

что, приворотное подливал? Гипнозом владеешь?

– Дело не в гипнозе, Лёх, – Демид задумчиво крутил в пальцах огрызок карандаша. – Дело в том, что большинство мужиков, когда видят красивую девушку, сразу включают режим охотника. У них в глазах написано: «хочу, моё, добыть». И женщина это чувствует за версту. Она чувствует себя дичью. А какая дура захочет быть дичью?

– А ты? – Лёха приподнялся на локте. – Что у тебя в глазах написано?

– А у меня, – Демид чуть усмехнулся, глядя куда-то в темноту за окном, – у меня написано: «Как интересно ты устроена. Расскажи мне о себе». И они рассказывают. Всегда.

Он еще не знал тогда, что этот дар – видеть в женщине не дичь, а загадку – станет и его величайшим преимуществом, и его вечным проклятием. Потому что, научившись слышать каждую, он так и не научился слышать самого себя. Он шел по жизни, собирая коллекцию сердец, как энтомолог собирает бабочек, и лишь много позже понял, что сам давно уже пойман в чью-то невидимую сеть.

Глава вторая

К двадцати пяти годам Демид уже точно знал, что женское сердце – это не крепость, которую нужно штурмовать, и не загадка, которую нужно разгадать. Это скорее музыкальный инструмент, у которого каждая струна звучит на своей ноте, и главное искусство заключается в том, чтобы услышать эту единственную, неповторимую мелодию и сыграть в унисон, не фальшивя ни на мгновение.

Он переехал из общаги в маленькую съемную квартиру на окраине города, где пахло сыростью и старыми книгами, которые он начал коллекционировать просто так, для души. Работа нашлась неожиданно – в рекламном агентстве, где требовались люди с нестандартным мышлением и умением чувствовать чужую боль, чужие желания, чужие тайны. Демид оказался на своем месте: он писал слоганы, которые цепляли за живое, придумывал рекламные кампании, от которых женщины начинали плакать, а мужчины доставать кредитки. Начальница, женщина лет сорока пяти с идеальной стрижкой и глазами уставшей волчицы, глядя на него, однажды сказала: "У тебя талант, мальчик. Ты продаешь не товар. Ты продаешь мечту". Он тогда лишь улыбнулся в ответ, подумав про себя, что это называется немного иначе и касается не только рекламы.

В ту пору в его жизни появилась Марта. Она была полной противоположностью всем предыдущим девушкам – не ху-

дожница, не поэтесса, не ищущая смыслов богемная душа. Марта работала финансовым аналитиком в крупном банке, носила строгие костюмы, от которых пахло дорогим парфюмом и уверенностью, и говорила всегда ровно столько, сколько нужно, ни словом больше. Познакомились они в лифте бизнес-центра, куда Демид приехал на переговоры с потенциальным клиентом. Она стояла в углу, листая что-то в планшете, и даже не взглянула в его сторону, когда двери закрылись. А он смотрел на ее тонкий профиль, на идеально уложенные волосы, на дорогие часы на запястье, и чувствовал, как внутри закипает знакомый азарт. Неприступных не бывает. Бывают те, кто еще не встретил правильного ключа.

Лифт застрял между этажами ровно на семнадцать минут. Для кого-то это была бы катастрофа, нервотрепка, паника. Для Демида – подарок судьбы. Он не стал лезть с глупыми шутками про лифты и судьбу, не стал предлагать помощь и набиваться в герои. Он просто достал из портфеля книгу, которую носил с собой для настроения – старый потрепанный томик Бродского, и углубился в чтение, изредка поглядывая на табло этажей. Марта сначала игнорировала его, потом покосилась на обложку, потом не выдержала.

– Вы серьезно читаете стихи в лифте? – спросила она с легкой иронией, но в глазах уже загорелось любопытство.

– А вы серьезно считаете, что лифт – неподходящее место для стихов? – парировал он, не отрывая взгляда от страницы. – По-моему, лучшее. Здесь все равно делать нечего, а душа требует пищи.

Она усмехнулась, но не отвернулась. А дальше он сделал то, что умел лучше всего – он заставил ее заговорить. Не о работе, не о пробках и не о погоде. О чем-то настоящем. Оказалось, что Марта когда-то, в студенчестве, писала рассказы. Маленькие, никому не нужные истории о людях, которых встречала в метро и в кафе. Она никому об этом не рассказывала, считая это глупым юношеством, недостойным серьезного аналитика. Но когда лифт дернулся и поехал дальше, они уже обменялись телефонами, чтобы обсудить "один вопрос по Бродскому".

Через месяц Марта, которая никогда никого не пускала в свою жизнь дальше прихожей, сама предложила ему переехать к ней в просторную квартиру в центре. Через три – ловила себя на мысли, что впервые за долгие годы пишет не отчеты, а тот самый рассказ, который обещала показать ему еще неделю назад. Она менялась на глазах, расцветала, словно цветок, который долго держали в темноте и наконец вынесли к свету. Друзья не узнавали ее, коллеги удивлялись, а она сама не понимала, как жила раньше без этого человека, который умел слушать так, будто каждое ее слово – един-

ственное в мире сокровище.

Демид же чувствовал странную пустоту. Марта была прекрасна – умна, красива, успешна, страстна. С ней можно было говорить о чем угодно, молчать сколько угодно, путешествовать, работать, мечтать. Но чем сильнее она раскрывалась перед ним, чем глубже погружалась в их отношения, тем отчетливее он понимал, что внутри него самого ничего не происходит. Он дарил ей эмоции, он будил ее душу, он делал ее счастливой – и при этом сам оставался абсолютно спокоен, словно смотрел на себя со стороны, оценивая собственное мастерство.

Однажды ночью, когда Марта спала, уткнувшись носом ему в плечо, и дыхание ее было ровным и доверчивым, как у ребенка, он лежал с открытыми глазами и впервые за долгое время задал себе вопрос, от которого раньше отмахивался. Что со мной не так? Почему я могу дать женщине всё, кроме самого главного – себя? Почему, когда они влюбляются, я чувствую не тепло, а скуку? Почему каждая новая победа приносит только временное удовлетворение, похожее на укол наркотика, а потом накатывает пустота, и хочется искать следующую, новую, другую?

Ответа не было. Был только лунный свет, падающий на паркет, и тиканье часов на стене, отсчитывающих секунды

его чужой, навязанной жизни. Утром он посмотрел на Марту, которая варила кофе на кухне в его любимой рубашке, и понял, что скоро уйдет. Не потому, что она плохая. А потому, что он не умеет иначе. Потому что внутри у него нет того стержня, на который можно нанизать настоящее чувство. Он умеет отражать, умеет отдавать, умеет зажигать, но сам не горит. И никогда не горел.

Разрыв получился тяжелым. Марта плакала так, как не плакала, наверное, со школы – горько, взхлеб, не стесняясь опухших глаз и размазанной туши. Она кричала, что он чудовище, что он вынул из нее душу и растоптал, что никогда, никогда она не простит ему этого предательства. А он стоял у двери с сумкой в руке и молчал, потому что говорить было нечего. Он действительно был чудовищем. Только чудовищем не со зла, а по неведению, по какой-то внутренней поломке, которую не мог ни найти, ни исправить.

Выходя из подъезда, он столкнулся с пожилой соседкой Марты, которая выгуливала таксу. Старушка посмотрела на него с непонятным выражением – то ли с осуждением, то ли с жалостью – и покачала головой.

– Беда с вами, красивыми, – сказала она, проходя мимо. – Душу свою потеряли где-то, вот и ищете ее в чужих. А в чужих не найдешь. Там только отражение.

Он тогда не придавал значения ее словам. Просто сел в машину и уехал, оставив позади очередную разбитую жизнь, очередную женщину, которую сделал счастливой, чтобы потом сделать несчастной навсегда. Впереди были новые города, новые лица, новые глаза, в которых можно было увидеть свое отражение. И он ехал к ним, не зная, что настоящая встреча, та, которая изменит всё, еще впереди. И что готовит она ему не очередную победу, а самое сокрушительное поражение в жизни.

Демид уехал из города на рассвете, когда небо только начинало светлеть над крышами, а фонари еще горели тусклым желтым светом, отражаясь в лужах после ночного дождя. Он вел машину на восток, к морю, сам не зная зачем, просто чувствуя, что нужно двигаться, нужно менять картинку за окном, иначе мысли задушат окончательно.

Марта осталась в зеркале заднего вида вместе с ее криками и слезами, вместе с запахом ее духов, навсегда въевшимся в подушки, и вместе с тем странным чувством вины, которое он испытывал впервые в жизни. Раньше расставания давались легко. Он умел уходить красиво, оставляя после себя не боль, а светлую грусть и благодарность. С Мартой что-то пошло не так. Слишком глубоко она впустила его в себя, слишком сильно доверилась, слишком много отдала. И он

взял все это, а взамен не дал ничего, кроме иллюзии.

В маленьком приморском городке, где пахло йодом и жареной рыбой, а чайки кричали так пронзительно, что закладывало уши, он снял комнату в частном доме у старушки с добрыми морщинистыми глазами. Хозяйка, тетя Зина, не задавала лишних вопросов, только кормила его борщом и пирожками с капустой, глядя, как он сидит вечерами на крыльце и смотрит на темнеющее море.

В тот вечер, когда он впервые за долгое время почувствовал, что пустота внутри начинает заполняться шумом волн и криками чаек, на крыльцо вышла девушка. Он видел ее раньше мельком – соседка тети Зиной, кажется, приехала погостить к бабушке. Но тогда ему было не до нее. Теперь же он поднял глаза и замер.

Она стояла в длинной легкой юбке, которая колыхалась от ветра, и держала в руках чашку с чаем, глядя куда-то вдаль, на линию горизонта, где небо встречалось с морем. Волосы ее, светлые, почти белые, были распущены и падали на плечи, и в них запутывался закатный свет, делая их похожими на расплавленное золото. Демид смотрел на нее и чувствовал, как сердце пропускает удар. Не так, как бывало раньше, когда включался азарт охотника и профессиональный интерес. Иначе. Будто что-то внутри перевернулось и встало на

место, чего раньше никогда не случалось.

Она почувствовала его взгляд, обернулась и улыбнулась просто, без кокетства, без попытки понравиться, без всего того, что он так хорошо изучил за годы своих экспериментов.

– Добрый вечер, – сказала она негромко. – Вы, наверное, тот самый постоялец тети Зины? А я Лера. Приехала бабушку проведать.

– Демид, – ответил он, и голос его прозвучал хрипло, будто он неделю не разговаривал.

Они проговорили тогда до глубокой ночи, сидя на деревянных ступеньках, и говорили о море, о звездах, о том, как пахнет ночной воздух и почему чайки не спят по ночам. Она оказалась учительницей литературы в обычной сельской школе где-то в глубинке, куда уехала по распределению и осталась, потому что полюбила тех детей и ту тишину, которая бывает только в маленьких деревнях, где зимой метели заметают дома по самые крыши. Демид слушал ее и не узнавал себя. Он не пытался быть интересным, не подбирал нужных слов, не играл. Он просто был рядом и чувствовал, как внутри разливается тепло, которого он не знал никогда раньше.

Лера не была красавицей в привычном смысле. У нее были слишком большие серые глаза, слишком бледная кожа, слишком тонкие пальцы с облупившимся лаком на ногтях. Но когда она смотрела на него, ему казалось, что она видит не его маску, не то отражение, которое он привык показывать женщинам, а его самого – настоящего, глубокого, того, кого он сам в себе не знал.

Они встречались каждый вечер на том самом крыльце. Гуляли по пустынному пляжу, где ветер швырял в лицо соленые брызги, собирали ракушки, молчали, глядя на закаты, и молчание это не тяготило, а наполняло. Демид чувствовал, как с каждым днем тает тот холодный панцирь, которым он окружил себя с юности, как оттаивает душа, как просыпается что-то давно забытое, почти детское – способность просто радоваться, просто быть, просто любить.

Любить. Это слово возникло в его сознании неожиданно и испугало своей непривычностью. Он никогда никого не любил. Он увлекался, зажигался, покорял, владел – но не любил. А тут вдруг понял, что не может без нее дышать. Что каждое утро просыпается с мыслью о том, как она сейчас выйдет на крыльцо с чашкой чая, как улыбнется ему, как скажет что-то простое и важное, отчего внутри все переворачивается.

Через две недели, в ночь перед ее отъездом, они сидели на берегу, и луна стелила по воде серебряную дорожку. Лера молчала, и он молчал, чувствуя, как отчаянно колотится сердце. Он хотел сказать ей всё. Сказать, что она – первая, кого он не хочет покорять, а хочет просто быть рядом всегда. Сказать, что готов бросить всё, переехать в эту глушь, учить деревенских детей литературе, только бы видеть ее глаза каждое утро. Сказать, что она спасла его, сама не зная об этом, вытащила из той пустоты, где он жил годами.

Но вместо этого он спросил:

– Ты когда вернешься?

Она посмотрела на него долгим взглядом, в котором было что-то, чего он не мог расшифровать.

– А ты хочешь, чтобы я вернулась?

Он кивнул, боясь вымолвить слово, чтобы голос не дрогнул.

– Тогда я вернусь, – просто сказала она и улыбнулась той своей улыбкой, от которой у него останавливалось сердце.

Она уехала утром. А он остался на крыльце, вдыхая запах

моря и чувствуя, как внутри разливается незнакомая, пугающая, но такая желанная боль. Он понял, что впервые в жизни по-настоящему полюбил. И что теперь все его прежние умения, весь его талант покорять женские сердца, все его победы и трофеи – не стоят ничего. Потому что настоящее чувство оказалось совсем не игрой, не охотой, не завоеванием. Оно оказалось тихим и простым, как этот рассвет над морем. И оно требовало не мастерства, а только одного – способности отдать себя без остатка, не боясь быть уязвимым, не боясь проиграть.

Демид сидел на крыльце и смотрел на пустую дорогу, по которой уехала его Лера, и впервые в жизни не знал, что делать дальше. Потому что покорять ее сердце было не нужно – оно и так было его. А вот что делать со своим собственным, которое вдруг оказалось таким живым и таким беззащитным, он не понимал совершенно.

Глава третья

Месяц после отъезда Леры растянулся в бесконечность, где время измерялось не часами и днями, а ударами сердца, которое билось теперь в новом, непривычном ритме. Демид остался в том приморском городке, хотя первоначальный план был ехать дальше, на юг, туда, где море теплее и ночи короче. Но он не мог уехать. Не мог покинуть место, где

каждый камень, каждая ступенька крыльца, каждая улочка, ведущая к пляжу, хранили ее присутствие, ее тень, отзвук ее голоса.

Он снял ту самую комнату у тети Зины уже не на неделю, а на месяц, потом еще на месяц, и хозяйка только качала головой, глядя, как он бродит по берегу в одиночестве, собирает ракушки, которые они собирали вместе, и подолгу сидит на крыльце с книгой в руках, не читая, просто глядя на дорогу. Тетя Зина была мудрой женщиной, она видела и понимала больше, чем говорила, и однажды, выйдя к нему с двумя кружками горячего чая с мятой, присела рядом.

– Душа болит, милоч? – спросила она просто, без тени осуждения или любопытства.

Демид хотел отшутиться, как делал всегда, когда кто-то пытался залезть в его внутренний мир, но вдруг понял, что не может. Не хочет. Перед этой старой женщиной, вырастившей троих детей и похоронившей мужа, перед ее спокойными глазами, видевшими столько жизней и смертей, его обычная защита не работала.

– Болит, тетя Зин, – ответил он тихо, и эти простые слова вдруг облегчили что-то внутри, словно прорвали нарыв, который давно пора было вскрыть.

– Это хорошо, – сказала она, отхлебывая чай. – Значит, живой. Когда не болит, тогда страшно. Тогда ты уже все равно что покойник, только ходишь и воздух зря переводишь.

Он посмотрел на нее с удивлением, и она усмехнулась в ответ.

– Думаешь, старая, ничего не понимает? Я, милоч, столько повидала на своем веку... У самой сердце не раз болело. И знаешь, что я тебе скажу? Эта боль – она как прививка. Переболеешь один раз по-настоящему, и потом уже никакая другая зараза не возьмет. Если, конечно, выживешь.

– А если не выживу? – спросил он, и в голосе его впервые за многие годы прозвучала неприкрытая, детская почти, растерянность.

– Выживешь, – твердо сказала тетя Зина. – Такие, как ты, выживают. Только смотри, не наделай глупостей. Девочка та хорошая, чистая. Я ее с пеленок знаю. Лерочка. Она не для игр твоих, понял? Она для жизни.

Демид вздрогнул. Он не рассказывал тете Зине о своем прошлом, о своих победах и поражениях, о том, каким был раньше. Но она словно видела его насквозь, читала по гла-

зам, по тому, как он держит чашку, как смотрит на море, как молчит.

– Я не играю, – сказал он, и это было правдой. Впервые в жизни правдой абсолютной, не требующей доказательств.

– Знаю, – кивнула она. – Потому и говорю с тобой. А то бы давно послала подальше, нечего хороших людей мучить.

Она ушла в дом, оставив его одного с догорающим закатом и внезапным пониманием, что его жизнь разделилась на до и после. До Леры он был искусным игроком, собирателем сердец, мастером иллюзий. После Леры он стал просто человеком. Уязвимым, испуганным, живым.

Они переписывались каждый день. Лера писала длинные письма о своих деревенских буднях, о смешных историях на уроках, о том, как кормит бездомных котов и как по ночам читает Чехова, который вдруг открылся ей совсем с другой стороны. Демид отвечал коротко, скупно, потому что боялся расплескать то чувство, которое росло внутри, боялся написать лишнее, спугнуть, разрушить. Он, умевший говорить с женщинами часами, находивший нужные слова для любой, самой сложной души, вдруг потерял дар речи перед простой сельской учительницей с облупившимся лаком на ногтях.

В каждом ее письме была та самая подлинность, которой он так долго искал и не находил в других. Она не пыталась казаться лучше, умнее, интереснее. Она просто была – настоящая, живая, со своими страхами и надеждами, со своей смешной любовью к деревенским котам и старым фильмам, которые крутили по телевизору поздно ночью. И чем больше он читал ее строки, тем яснее понимал, что никогда раньше не знал настоящей близости. Все, что было до – только тени на стене, только отражения в разбитом зеркале.

В начале второго месяца она написала: "Я соскучилась. Не по морю, не по закатам, не по этому городу. По тебе. По тому, как ты молчишь рядом, и это молчание говорит больше любых слов. Когда ты приедешь?"

Он перечитывал это сообщение раз сто, наверное. Сидел на крыльце, смотрел на звезды и чувствовал, как внутри разливается что-то огромное, горячее, почти непереносимое. Он хотел сорваться прямо сейчас, сесть в машину и ехать через всю страну, чтобы увидеть ее, обнять, вдохнуть запах ее волос, который помнил до сих пор, хотя прошло уже столько недель. Но что-то останавливало. Страх. Тот самый страх, которого он никогда раньше не испытывал. Страх разрушить то хрупкое, что возникло между ними. Страх не оправдать. Страх оказаться тем, кем был всегда – ловцом, охотником, коллекционером.

Он ответил только утром: "Скоро. Очень скоро. Жди".

А сам пошел к тете Зине просить совета, как к последней инстанции, как к оракулу, который знает ответы на все вопросы.

– Теть Зин, а если я приеду и все испорчу? – спросил он, глядя, как она месит тесто на пирожки, ловко и привычно, словно делала это всю жизнь.

Она хмыкнула, не отрываясь от дела.

– А если не приедешь – не испортишь? Сидеть тут будешь до старости, на море глядеть и жалеть о том, что не решился? Ты, милок, запомни: мужчина тем и отличается от мальчика, что умеет рисковать самым дорогим. Мальчик боится потерять, потому и не берет. А мужчина берет, даже если страшно. Потому что знает: не взять – потерять наверняка.

Она вытерла руки о фартук и посмотрела на него в упор.

– Ты ее любишь?

– Люблю, – выдохнул он, и это слово, произнесенное вслух, прозвучало как клятва.

– Тогда чего ждешь? Езжай. И не бойся ничего. Любовь – она ошибок не прощает только тех, кто не рискует. А кто рискует, тому всё прощается.

Он уехал на следующее утро. Машина летела по трассе, и за окном мелькали города и деревни, леса и поля, и вся эта огромная страна казалась ему теперь не бескрайней, а тесной, потому что все дороги вели только к ней. Он гнал, почти не останавливаясь, слушая музыку, которая вдруг обрела новый смысл, и думал только об одном – увидеть. Скорее. Немедленно. Сейчас.

В тот городок, затерянный среди лесов и полей, где зимой метели заметают дороги, а летом пахнет сеном и парным молоком, он въехал глубокой ночью. Деревянные домики спали, лишь в одном горел свет – в том, где жила она. Он заглушил мотор, вышел из машины и стоял, глядя на это желтое пятно в темноте, не решаясь сделать шаг.

А потом дверь открылась, и она выбежала на крыльцо в одной длинной футболке, босиком, и волосы ее разметались по плечам, и глаза сияли так, что звезды померкли.

– Я знала, что ты приедешь, – сказала она просто. – Я чувствовала.

Он подошел, обнял ее, уткнулся лицом в макушку и вдохнул тот самый запах, который искал все эти недели. И понял, что наконец-то дома. Впервые в жизни по-настоящему дома.

Они простояли так, обнявшись, посреди темной улицы, и время остановилось окончательно и бесповоротно. Где-то лаяла собака, где-то скрипнула калитка, но все эти звуки доносились словно из другого мира, не имеющего к ним никакого отношения. Демид гладил ее по спине, чувствуя сквозь тонкую ткань тепло ее тела, и думал о том, что никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Ни одна женщина не встречала его так – без вопросов, без упреков, без попытки что-то из себя изображать. Просто выбежала босиком в ночь, потому что сердцем почувствовала, что он рядом.

– Замерзнешь, – сказал он хрипло, отстраняясь и глядя на ее босые ноги, побелевшие от ночной прохлады.

– Не замерзну, – улыбнулась она. – Ты же приехал.

В доме пахло яблоками и сушеными травами, и этот запах навсегда впечатался в его память как запах счастья. Лера сушила на кухне, разогревая ужин, хотя он клялся, что не голоден, а она только отмахивалась и говорила, что с дороги надо обязательно поесть, иначе никак. Он сидел за дере-

вянным столом, покрытым вытертой клеенкой в цветочек, и смотрел, как она двигается по этой маленькой кухне, и чувствовал, что сердце разрывается от нежности.

На стене висели старые фотографии в пыльных рамках, на подоконнике цвела герань, в углу тикали ходики с кукушкой, которая давно уже не куковала, просто маятник качался туда-сюда, отсчитывая секунды их общей жизни, которая только начиналась. Демид поймал себя на мысли, что ему здесь хорошо. Не уютно, не комфортно, а именно хорошо – той глубинной, первобытной радостью, когда душа наконец находит свое место.

Они проговорили до рассвета. Сидели на стареньком диване, укрывшись одним пледом, и говорили, говорили, не могли наговориться. О чем угодно – о книгах, о фильмах, о детстве, о страхах, о мечтах. Лера рассказывала, как в детстве боялась грозы и залезала под кровать с головой, а он признался, что до сих пор не умеет плавать, потому что в детстве его учили "методом бросить в воду и пусть выплывает", и с тех пор у него паника при одной мысли о глубине. Она смеялась, и смех ее был таким чистым и звонким, что у него внутри все переворачивалось.

– А ты чего боишься сейчас? – спросила она вдруг, глядя на него в упор своими огромными серыми глазами.

Вопрос застал врасплох. Он умел говорить женщинам то, что они хотели услышать, умел красиво уходить от ответа, умел переводить разговор в другое русло. Но здесь, сейчас, под этим пледом, глядя в эти глаза, врать было невозможно.

– Тебя, – ответил он честно. – Боюсь, что сделаю тебе больно. Боюсь, что не справлюсь. Боюсь, что ты узнаешь меня настоящего и разлюбишь.

Она помолчала, потом положила голову ему на плечо.

– А ты не бойся, – тихо сказала она. – Я уже знаю тебя настоящего. Того, который сидит здесь со мной и боится меня потерять. А все остальное – неважно.

Он хотел сказать ей всё. Рассказать про Марту, про Алису, про всех тех женщин, чьи сердца он собирал как трофеи и чьи жизни разбивал, сам того не замечая. Рассказать про ту пустоту, которая жила в нем годами и которую только она смогла заполнить. Рассказать про свой страх, что однажды эта пустота вернется и поглотит всё. Но вместо этого он просто поцеловал ее в макушку и закрыл глаза, чувствуя, как ровно и спокойно бьется ее сердце в унисон с его собственным.

Утром он проснулся от запаха свежих блинов и звука дождя за окном. Лера стояла у плиты в его рубашке, которая была ей велика размера на три, и что-то напевала себе под нос. Он смотрел на нее и думал, что вот оно – счастье. Обычное, простое, человеческое счастье, которое не купишь ни за какие деньги и не завоюешь никакими талантами. Оно просто приходит, когда перестаешь играть и становишься собой.

Дождь лил весь день, и они не выходили из дома. Сидели на полу среди книг, читали вслух стихи, пили чай с малиновым вареньем и целовались под шум воды, барабанящей по крыше. А вечером, когда дождь кончился и небо прояснилось, пошли гулять по мокрым деревенским улицам, вдыхая запах мокрой земли и свежести, и Лера показывала ему места своего детства – старую школу, где училась, речку, где купалась, поляну в лесу, где впервые поцеловалась с мальчишкой в седьмом классе.

– Ревнуешь? – спросила она, хитро глядя на него.

– Безумно, – ответил он, и это была правда. Он ревновал ее ко всему прошлому, ко всем тем, кто видел ее раньше, кто знал ее другой, кто имел на нее хоть какое-то право до того, как появился он.

– Глупый, – улынулась она. – Все, что было до тебя, не

считается. Ты – первый. Самый первый. Понимаешь?

Он понимал. И от этого понимания внутри разливалось такое тепло, что, казалось, можно согреть всю вселенную.

Так прошла неделя. Потом вторая. Демид забыл про работу, про город, про свою прежнюю жизнь. Он звонил начальнице и просил очередной отпуск, она ругалась, но отпускала, потому что клиенты были довольны, а отчеты сдавались вовремя – он умудрялся работать удаленно, усаживаясь с ноутбуком за тот самый деревенский стол, пока Лера была в школе. Она возвращалась уставшая, но счастливая, рассказывала про своих учеников, про то, как Вовка опять двойку получил, а Машенька написала потрясающее сочинение о войне, и он слушал и чувствовал, что это и есть настоящая жизнь – не в гонке за победами, не в коллекционировании сердец, а здесь, в этой маленькой кухне, за этими разговорами ни о чем и обо всем сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.